

Александр Дронов

Валерий Дронов

Казак на самоходке. «Заживо не сгорели»

Серия «Герои Великой Отечественной.
Фронтовые мемуары Победителей (Эксмо)»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10776313

Александр Дронов, Валерий Дронов. Казак на самоходке. «Заживо не сгорели»: Яуза, Эксмо;

Москва; 2015

ISBN 978-5-699-80801-4

Аннотация

Автор этой книги – один из тех трех процентов фронтовиков, кто, приняв боевое крещение летом 1941 года, дожил до Победы. Прорывался из «котлов», защищал Лужский рубеж и Дорогу Жизни, участвовал в кровавых штурмах Синявинских высот (где от всей его батареи осталось только пять бойцов), с боями прошел от Тамани до Праги. Воевал и в саперах, и в пехоте, и наводчиком в артиллерии, и командиром самоходки Су-76 в единственной на всю Красную Армию казачьей пластунской дивизии.

«Да, были у наших самоходов слабые стороны. Это не такое мощное, как хотелось бы, противопульное бронирование, пожароопасность бензинового двигателя и открытая боевая рубка. Она не защищала от стрелкового огня сверху, от закидывания гранат. Всё это приходилось учитывать в бою. Из-за брезентовой крыши словоохоты присваивали нашим Су-76 грубоватые прозвища: “голозадый Фердинанд” или “сучка”. Хотя с другой стороны, та же открытая рубка была удобна в работе, снимала проблему загазованности боевого отделения при стрельбе, можно было легко покинуть подбитую установку. Поэтому многие самоходчики были влюблены в СУ-76, мы её ласково называли “сухариком”».

Эта книга – настоящая «окопная правда» фронтовика, имевшего всего три шанса из ста остаться в живых, но выигравшего в «русскую рулетку» у смерти, израненного в боях, но не сгоревшего заживо.

Содержание

Вступление	5
Часть I. Лужский рубеж	6
К фронту	6
Письмо брата	8
Сила слова и слабость духа	10
Крещение	13
Атака врукопашную	17
Наука отступать	22
Штыком в зализны очи	24
Каждый к своим	27
Рабочие войны	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Дронов, Валерий Дронов

Казак на самоходке.

«Заживо не сгорели»

© Дронов В.А., 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

В 1979 году мой отец, Дронов Александр Тихонович, понял, что жить осталось совсем недолго. Он решил сохранить память о фронтовых годах.

Своим детям Владимиру, Вере, Валерию он оставил по десятку обыкновенных школьных тетрадей, исписанных на каждой строчке мелким каллиграфическим почерком.

Это были записки о войне.

В.А. Дронов

Вступление

Первый год войны оставил в моей памяти самые глубокие следы, самые тугие узелки, на сердце – самые чувствительные рубцы. Почему так? Да потому, что у меня, как и у каждого, произошла величайшая ломка всей жизни, именно эти годы, как бритва на оселке, испытывали каждого человека. Многие ветераны войны, когда заведешь с ними разговор о «самом, самом», чаще всего обращаются к первому периоду войны, к 1941–1942 годам.

Тяжелейшие испытания выдержали не все, многие свихнулись, иные даже переметнулись к противнику. Все это происходило на моих глазах, не оставляя безучастным, так или иначе формировало солдата, сказывалось в поступках, в боевых делах. Одно было неизменным – убеждение в непобедимости народа, вера в правоту дела. Сразу решил, что мое место в строю, надо воевать, а не рассуждать, у войны свои мерки, было не время для самооценки, а пора самовыражения.

Не хочу скрывать свою надежду на то, что кто-то из вас, молодых, пройдет, на худой конец, мысленно пролетит по тернистым дорогам войны, по тем местам, где в перекрестке панорамы орудий врага билась наша жизнь, наша молодость, поклонится праху героев, их мужеству и отваге.

Часть I. Лужский рубеж

*Нас все меньше и меньше,
мы уходим далече.
Это мы погасили Бухенвальдские печи...*

К фронту

590-й отдельный строительный батальон инженерных войск 22 июня 1941 года занимался сооружением военного объекта вдали от кровавых событий. Мы находились среди лесов и озер севера Вологодской области. Услышав о войне, я был охвачен странным чувством давно ожидаемой, но неожиданно нагрянувшей беды, и раньше был уверен в том, что Германия на нас нападет, к этому вела агрессивная, грабительская политика Гитлера.

Однако наши руководители, которым по долгу службы сия истина должна быть ясной, говорили, что если будет нападение, то не скоро. Помню, как однажды командир роты набросился на группу красноармейцев за «разговорчики» о неминуемой войне с Германией. В газетах мая – июня 1941 года громили тех, кто сомневался в нерушимости пакта о ненападении. В народе росло чувство опасности войны не сегодня, так завтра, а среди командиров царила беспечность. Все были буквально в плену слухов о скорой войне, но нас убеждали не верить, не поддаваться провокациям.

Удивительная тогда складывалась ситуация. Маршал А.И. Еременко высказывался в своей книге: «Я понял, что начавшаяся война будет для нас невероятно тяжелой, особенно в начальный период. Действительно, ведь если и мне, в то время генерал-лейтенанту, командарму, почти ничего не было известно о приближении войны, то какой внезапной она должна была показаться для солдат, для младшего и среднего комсостава, для всего советского народа». Вот так мы встречали войну.

Плыли баржами и пароходами по Онеге, Свири, Ладоге, ехали в поездах, но больше пешком в походных колоннах. Многокилометровый марш к фронту по проселочным дорогам, лесам, болотам для меня, и не только для меня, был тяжким физическим испытанием. Нужно много сотен верст, ежедневно по 25–30 километров, прошагать с полной выкладкой. Закалки не было, перед войной в село пришли машины. Я был зоотехником совхоза, а специалисты по фермам ездили на автомобилях да на жеребцах, теперь шагаем на своих двоих.

Сперва думали не иначе как: «Вот мы ему дадим по мусалам! Чтобы неповадно было свое свиное рыло совать в наш советский огород». Были твердо уверены, что своей земли не уступим никому ни единого вершка, воевать будем на чужой территории. Сами-то, боже мой! «Годные необученные», пушек, пулеметов в глаза не видели, не говоря о танках, автоматическом оружии. На вооружении винтовка-трехлинейка, гранаты, бутылки с горючей жидкостью, бессменный «шлеп-шлеп по боку» противогаз. И при том были убеждены в победе, верили, что будет, как в пословице: «В Россию – с клинком, из России – пинком».

Переходы изнурительны, дороги разбиты, запружены войсками, движущимися на запад, встречным потоком беженцев с запада на восток. Сотни машин вязли в грязи, тонули в ухабах, выбоинах, в воронках от бомб. Над этим скопищем носились вражеские бомбардировщики, истребители. Крестоносные стервятники несли смерть и муку. Им, господствовавшим в небе, мы не могли противопоставить какую-либо силу. Тихоходных тупорылых И-16, И-153 немецкие Ме-109 сбивали легко. А уж наши бомбардировщики СБ и ДБ-3, те были и вовсе легкой добычей. Гансы так обнаглели, что, бывало, увяжутся за какой-либо приглянувшейся им целью – колонной машин, стадом коров, группой доярок, вьются, кура-

жаты, бьют, строчат из пулеметов до тех пор, пока не кончатся горючее и боеприпасы. Нечем было их отогнать!

Находясь далеко от фронта, мы шагали по войне. Пепелища сожженных бомбами построек, кровь, трупы наших людей, стоны, слезы – это надламывало слабых, вносило растерянность, порождало трусов и паникеров. Их в нашей роте было предостаточно, до сих пор помню осунувшиеся лица, бегающий взор, выражение страха и неуверенности. Находились такие, которым было не только безразлично, но в свинцовом взгляде поблескивали искорки удовлетворения происходящей трагедией, даже радость возмездия.

Эти глаза помнятся до сих пор, заячья душа, затаившая вражду, жаждала отмщения фашистским оружием, окажись по ту сторону фронта, преобразятся в волка. Виделось, чувствовалось, но пока было недоказуемо.

Идем, идем, нас торопят, в последнее время пришлось шагать только ночью, при свете дня слишком одолевали самолеты. Летали так низко, что вот-вот отклонятся в сторону от дороги, не успев поднять крыло, врежутся в зеленую стену придорожного леса. Нет, не падают, строчат да строчат, бомбят да бомбят.

Какими глупенькими были в начале войны! Ганс поливает свинцом с высоты дерева, мы, как страусы, схоронив голову, лежим, не обороняемся. Более того, запрещалось стрелять из винтовок, отвечать огнем нельзя – демаскируешься. Но это тысячи пуль, явная смерть стервятнику. Не догадывались, что при столь низком полете самолет легко поражался даже из винтовки, что в последующие годы было проверено опытом боевых действий. Ох уж этот 41-й, ох и мы в 41-м! Горе, да и только.

Письмо брата

Привал. Красноармеец Иван Сидоркин телепа-телепа в делах военных, но честности отменной, появился в роте с пачкой писем от родных и знакомых, ребята взяли его в круг.

– Рахимгулов, – письмо от черноглазой, пляши!

– Осадчий, письмо от жены, пляши!

Издали увидел в его руках письмо со знакомым с детства почерком, округлыми, твердой рукой написанными крупными буквами, сразу не сообразил, от кого, лишь почувствовал что-то нашенское, родное. Да это от Ефима!

– Дронов, пляши.

Что поделаешь, сигали, выкаблучивались, лишь потом, когда стали приходить такие письма, получив которые не возрадуешься, этот ритуал сам собой отпал.

У меня в руках дорогая весточка от брата Ефима Тихоновича, пишет из Ленинграда, где находился с экскурсией группы учителей Ростовской области. В то время он работал директором Белокалитвенской средней школы, что на Северском Донце. Ефим не чета мне и хуторским ребятам, способнейший человек, башковитый, среди всех Дроновых лопатинских отличался особым складом ума, добропорядочностью и серьезностью. Даром что воспитывался с нами на одной печке, в старом дроновском доме она умещала всех шестерых ребят, да еще и девчонка какая-нибудь затешется среди нас – двоюродные сестры Татьяна, Ольга.

Е. Дронов, не в пример другим, не мыслил себя вне школы, вне учебы, в числе немногих из нашего района окончил заочно Таганрогский педагогический техникум, затем Ставропольский пединститут. Братушка пишет на фронт, а я еще до войны не добрался, иду, иду. После коротких, но теплых родственных приветствий перешел к тому, чем жил, восхищался Ленинградом и ленинградцами первого дня войны, писал о стремлении как можно скорее попасть в действующую армию, сразиться с обнаглевшим врагом, проучить и изгнать.

«Ленинградцы, – писал он, – осаждают комиссариаты города с просьбой направить на фронт. Пробился в РВК и я с заявлением о зачислении в команду добровольцев, не приняли, посоветовали подать рапорт в свой военкомат».

От меня, младшего брата, требовал:

«Будь смелым в бою, переноси невзгоды и неурядицы. Береги себя, не лезь на рожон там, где не надо, но еще больше береги честь семьи, Родины. Русский народ всегда отличался преданностью стране. Киевский князь Святослав (X век) призывал своих воинов: “Или жить победителями, или умереть со славой”. Не ищи спасения в плену, немецкое иго хуже смерти. Ты, наверное, помнишь Капитона Еремина из Средней Лопатины, он в Первую Германскую был в плену, часто рассказывал станичникам про плен у немцев. Говорил: “Немец – хуже турок. Турок зол, но имеет душу. Немец и зол, и без души, для него русский пленный не человек, а животное, они и содержали, и кормили, и заставляли работать пленных, как скотину”».

В конце Ефим сделал экскурс в историю борьбы славян с немецкими захватчиками:

«Ты знай, что русский всегда побеждал немца, и теперь побьем. Войну против русского народа, против славян вообще немцы ведут не только эти пять дней, а тысячу лет. Начали свои кровавые походы еще в VII веке, при Карле Великом, затем возобновляли их несчетное количество раз. Все последующие 400 лет они рвали кусок за куском земли славян.

Помнишь битву Александра Невского в 1242 году на Чудском озере, затем в 1410 году – под Грюнвальдом. Колотили их, сволочей, и в 1558, и в 1759 годах.

Да как лупили, что в Берлин заходили! Фридрих II на горьком опыте учил преемников не враждовать с русскими. Знаменитый Бисмарк помнил это, а Вильгельм II забыл уроки и вновь в 1914 году двинул войска. Чем закончилось, ты знаешь, громили немцев и сыны Дона, я слышал многие рассказы казаков-фронтовиков, как они гонялись на лихих дончаках за немцами-псами. Об этом рассказывали дядя Лев Константинович и дядя Иван Константинович. Немец сеет ветер – пожнет бурю. Крепко обнимаю тебя, мой родной братик. Желаю всего тебе всего самого доброго и, прежде всего, жизни и чести».

Е. Дронов

Читал письмо и думал: «Братушка мой родной, чувствую, чем озабочен, ты не уверен во мне, более того, боишься, стараешься внушить чувство ответственности, собственного достоинства, бесстрашия в бою, веру в победу. Выстою ли я? Этого сам не знаю, хочу справиться, но моего желания, чувствую, недостаточно. Страшна ли смерть? Не боюсь. Страшен ли немец? Нет, сдюжим. Страшен мне мой страх! Не мною выдуман, не впервой вступаю с ним в единоборство, еще древние полагали, что сатане дает жизнь страх».

Письмо часто читал и перечитывал, дружки-товарищи начали надоедать с просьбами и им дать. Долго отнекивался, потом доверил близкому другу Петру Осадчему, через некоторое время ко мне пристал да пристал Алексей Дурасов. И пошло-поехало, многие читали с интересом, другие с ухмылкой: «Подумаешь, умереть за социалистическое отечество».

Дошло до комиссара Нагимулина, однажды подходит ко мне, спрашивает, может ли он ознакомиться с письмом. Вот те на! Усмотрит какую-нибудь контру о казаках. Отнекивался, дескать, брат думает, что воюю с шашкой наголо, с пулеметом на тачанке, а я, как видите, с лопатой, винтовка, и та лишь спину трет.

– Вот ты о чем, – с новым, серьезным выражением в лице, сказал он, – будь уверен, обещаю, найдешь возможность повоевать, показать себя. Смущает, что в строительном полку? Напрасно, в этой войне инженерные войска – сила, без них ни туда ни сюда. При наступлении мы впереди, кто мины снимет, кто заграждения ликвидирует, кто дорогу проложит, кто укрепит нашу оборону? То-то. При отступлении кто заминирует дороги врагу, кто мост взорвет? А ты...

Почему-то надолго запомнился его пронизывающий, прощупывающий взгляд. Письмо брата так-таки у меня взял, зачитал красноармейцам во время очередного привала. Использовал его мастерски, многое добавил, кое-что оттенил, хорошая беседа получилась. Я, конечно, ходил козырем, гордился братом и... собой.

Сила слова и слабость духа

Очередной отдых. Перед строем батальона зачитано выступление И.В. Сталина по радио от 3 июля 1941 года. Яркий образец, как человек может не только подчинить, но и направить других туда, куда считает нужным. Свое выступление начал непривычно:

– Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!

Ясно, четко изложено все, как есть, рассказано, что требуется от каждого гражданина страны.

– Все силы на разгром врага! Вперед, за нашу победу!

Стояли в строю, слушали, боясь пропустить хотя бы одно слово. Я уже был готов идти, куда он звал – в бой, с удовлетворением думал:

– С таким вождем мы не можем не победить.

Запомнилось тогдашнее состояние, весь напрягся, тянусь вверх, казалось, поднимусь над землей. В глотке сухо, спазмы, правая рука сжимает винтовку, пальцы впились в надствольную рамку, под ногтями образовались красные прожилки, полусогнутые пальцы левой руки впились в ладонь, шея напряжена, какие-то тиски сжимают грудь. Вот такая сила была в словах И.В. Сталина.

Как только улеглось первое впечатление от речи, задумался, почему он именно так начал. Речь казалась притертой, заискивающей, не сталинской. Он в последние годы вовсе не разговаривал с народом, тут на тебе, вождь и такая нежность, и обращение по церковному канону: «Братья и сестры... друзья мои». Не мог разобраться, одно знал, раз уж Сталин так заговорил, значит, обстановка не из легких, дело требует такого обращения, надо народ подымать. Главное – после выступления все стало на место. Не было болтовни о преднамеренном отступлении Красной Армии, разглагольствования о желании заманить врага в глубь территории, что вроде повторяется 1812 год. Прекратились пересуды, руководство потребовало бороться с врагом на тех рубежах, защиту которых доверила страна.

Многие дни и ночи, десятки километров пути к фронту я был свидетелем солдатских разговоров о выступлении И.В. Сталина. Однажды услышал:

– Кто бы мог подумать, что с Красной Армией случится такое. Глянь, сколько отдали немцу, – с недоумением и кручиной говорил, как бы сам с собой, Осадчий.

– Иначе и быть не могло, – резко, со злобой, встрял в разговор красноармеец Голован, – лучших людей сослали в Сибирь, в лагеря, в тюрьмы. Армия обезглавлена. К войне не готовились, игрались в бумажки, пакты да договоры.

– Ты что мелешь, – возмутился Осадчий, – что, не доверяешь товарищу Сталину?

Тот дальше льет кошкины слезы:

– Немцы мелют. Рушат в муку нас и страну.

Почувствовав, что его слушают красноармейцы, что вблизи нет никого из командования, разыгрывая из себя народолюбца, продолжил, будто бы с горечью и страданием:

– Такой народ! Такая преданность социализму... а так с ними обращаются. До чего довели! Воевать нечем, что воевать – жрать нечего. Чем себя сегодня кормили?

– С тобой навоюешь, – выругавшись, махнул рукой Осадчий, продолжая кантовать комель к мосту.

– Много не протянем, – пробурчал Голован, поднимая свой конец лесины.

Зыркнул по сторонам, добавил:

– Э-эх, дубинушка, – и замолчал.

Высказанные мысли явно отдавали контрой, ненавистью к правительству. Но как убедиться, что Голован враг, долго ли оклеветать человека? Кто он, правдолюбец, борец за

истину или перерожденец, что это – предательское кредо или крик души? Передо мной встали вопросы, трудно было допустить, что враг может так открыто заявлять о себе. Обсуждали разговор с Осадчим, ни к чему не пришли. Не пойдешь же с доносом, мало ли что болтают, но к Головану зародилась антипатия, необъяснимая подозрительность.

Один из этапов был особенно трудным. Весь день моросил дождь, дорогу развезло, шлепаем по грязи, по лужам, под ногами скользко, одежда промокла. Изнемогли, вчера шагали ночью, сегодня весь день, марш регламентировался нелетной погодой, спешили, приказ есть приказ. Никак не одолеем последние шесть-семь километров до ночного привала.

Во время движения в походной колонне я заснул на ходу, в строю спал, но двигался. Сколько кемарил, сколько брел, не помню. Лишь когда идущий рядом красноармеец огрел по кабаржине, промеж лопаток, схватил за шиворот и потряхнул, я проснулся, как ни в чем не бывало, продолжал двигаться. Потом он рассказывал: пошел-пошел, как полоумный или полуслепой, от строя влево, нетвердо ступая в кювет, вот-вот споткнется и упадет. Нет, топает и топает. После удара проснулся, встряхнувшись, отрезвел от сна, и хорошо выспался, на какой-то период усталость сняло.

Бойцы 9-й Кубанской казачьей пластунской дивизии, 1944, во втором ряду первый – командир батареи самоходных артиллерийских установок старший лейтенант А. Т. Дронов

Другой случай со сном у меня приключился через три года, в 1944-м, я был в то время командиром батареи самоходных установок СУ-76. В бою за станцию Чарны (Польша) нашу 9-ю Краснодарскую пластунскую казачью дивизию двое суток немец выматывал бесконечными контратаками. Наконец бой затих, настало время отдыха, зашел за угол дома, туда снаряд не упадет. Никого не предупредил, даже своего адъютанта, упал и заснул мертвецким сном. Немец пошел в контратаку, сбил наши части, они отходят, а я сплю. Батарея отступила, посчитали, что я на КП полка. Случайно наткнулся на меня бежавший казак-пластун, огрел так, что мертвый вскочит. Очумел от неожиданности: немцы перебегают метрах в 70 от здания к зданию. Вот когда пригодилась казачья прыть, шеметом от дома к дому, потом ползком по ложине... Вырвался. Страшное дело на войне – сон.

Как важно иметь хорошее здоровье и крепкие ноги! Перед войной изнежился, теперь раскаиваюсь, понадобились собственные силы, но они ограничены. Каких трудов стоило натренировать тело, привыкнуть к невзгодам, лишениям. Некоторыми чересчур службистыми командирами отставание из-за слабости или травм принималось как проявление трусости, нежелание идти на фронт, а он рядом, ноги отбил, телепаешься из последних сил, на последнем дыхании.

Чем ближе к передовой, тем чаще люди гибнут от бомбежки и обстрела. Чем больше встречается на пути разрушений, машин с эвакуированными ранеными, тем яснее и яснее

проявляются характеры, выдержка, боевые качества командиров, красноармейцев. Кто есть кто стало на повестку дня.

На первых порах казалось, что в роте все сделаны на одну колодку, командиры различаются лишь количеством кубарей или шпал, различия в этой неодинаковости стали выявляться на подходе к фронту. Думалось, что ребята, стриженные одной машинкой-нулевкой, обутые в одинаковые ботинки с обкрученными обмотками, и в жизни должны быть нивелированными. Одна судьба, одна задача сделают свое дело, подравняют, затем выправят мысли, поведение, поступки.

Оказалось, что не так. Народ был собран разношерстный. В авиацию, в мотомехчасти производился отбор, подбор, в разведчики еще жестче, а в инженерные скопом. Тут и льготники-перестарки, и нестроевики, и осужденные, и сыновья репрессированных. Это не могло не сказаться на психологическом состоянии роты.

В одной из бесед командир роты рассказал о положении на фронте, отметил, что впереди немецкой группы армий «Север» движется лавина 4-й танковой армии, командующий 56-м танковым корпусом фон Манштейн получил приказ наступать на Ленинград через Лугу. Но через несколько дней 38-я советская армия контратаковала, на дальних подступах к городу противник остановлен.

Лужская оборонительная полоса, сооруженная в ходе войны, сыграла свою роль, наши войска ее удерживают, перемалывая отборные части вермахта. Судьба Ленинграда была незавидной, его предполагалось окружить кольцом, обстрелом из артиллерии и бомбежкой с воздуха сровнять с землей. Рассчитывали оставшихся 400 тысяч ленинградцев расстрелять или повесить, уже утверждено меню банкета в гостинице «Астория», назначен комендант Ленинграда генерал Кнут.

Гитлеровцы стремятся захватить Ленинград по двум причинам. Во-первых, для дальнейшего наступления в глубь страны освобождались войска группы армий «Север», задействованные в обеспечении блокады города. Во-вторых, захват города мог иметь большое политическое и моральное значение.

Комроты сообщил, что командованием полка приказано быть готовыми к бою, разъяснил, что возможен прорыв противника, хотя мы инженерные войска, вооруженные силы должны воевать. Красноармеец Третьяков, по виду и ухваткам человек тертый, из хозяйчиков, просит разрешения задать вопрос.

– Это как же получается, – с возмущением, раздраженно спрашивает он, – в мирное время меня в армию не брали, оружие не доверяли, теперь, когда припекает, так стал нужным защитником родины советской. Иди умирай?

Наступила жуткая тишина, мы понимали, что это не вопрос, а вызов, явно выраженное недовольство, отказ от исполнения приказа. Командир взглянул брезгливо, но сдержался. Поборов негодование, терпеливо и обстоятельно разъяснил, что советские люди стали на защиту Родины, заключенные, и те просятся на фронт. Говорил резко, но сдержанно и убедительно. Кое-кому казалось, что вопрос исчерпан, но вокруг Третьякова образовалась атмосфера отчуждения, лишь некоторые стали увиваться, подхваливать за смелость. На вечернем привале Третьякова увели в штаб, арестовали, началось следствие, нескольких человек из его окружения вызывали, допрашивали. Состоялся суд военного трибунала.

– Выходи строиться!

Нам зачитали приговор.

– Именем Родины... Врага Советской власти... Третьякова. Расстрелять.

Война, обстановка в полку требовали решительных мер, они применялись в соответствии с законами военного времени, а вот Голован и другие, лишь после показавшие свое вражеское нутро, оставались вне подозрения.

Крещение

Строительный батальон первые дни войны был не в самом пекле, а на задворках фронта. Немецкие войска рвутся к Ленинграду со стороны Пскова и Эстонии. Нам приказано выйти на один из участков дороги Толмачево – Луга, обеспечить бесперебойное продвижение машин, боевой техники, людского пополнения фронта. Все это шло, ехало днем, особенно интенсивно ночью. Разбит ли мост, испорчено воронками от бомб полотно дороги, перевернута, раскурочена машина – все нами немедленно исправлялось, движение по дороге восстанавливалось. Что может быть проще и безопаснее, чем служба в дорожных частях? Сперва так и думалось.

Немец понимал значение этого участка фронтовой дороги, делал все, чтобы затормозить, прервать движение, бил из орудий крупного калибра, бомбил сверху. Противник разрушит, мы восстанавливаем, ганс обстреливает, мы в это время трудимся. Нельзя допустить, чтобы колонны машин стояли неподвижной мишенью под огнем врага, работаем день за днем, ночь за ночью. Трудно в темноте, когда шел основной поток техники, боеприпасов и горючего, еще опаснее в ясные летные дни, когда фашисты звено за звеном посылали самолеты.

Мы не знали об обстановке на переднем крае, о потерях на подходе к фронту я ощутил на своей шкуре. Огромны они были, недопустимо огромны, главным образом из-за бомбежки и обстрелов авиации.

– Во-оздух! – подается и десятками бойцов дублируется сигнал воздушной тревоги.

В небе на большой высоте плавает, как одинокий коршун, немецкий двухфюзеляжный самолет-разведчик «Фокке-Вульф-189», или «рама», «горбыль», по-разному их называли. То ястребом кружится над позициями, то уходит вправо или влево, потом возвращается и барражирует над нами, монотонно гудя, как опостылевшая осенняя муха, все высматривает, подглядывает. Мы затаились, стараясь не мельтешить, меньше двигаться, укрывшись в небольших кустах. Надо соблюдать маскировку, не допустить скопления машин, тем более пробки. Приготавливаемся к налету авиации, средств отражения воздушной атаки нет. Как это сделать? Да ровик вырыть, подправить, углубить, теперь жди гостей.

Нужно быстрее закончить работу по ремонту моста и полотна дороги, только что их разворотили снаряды. Не восстановив проезд по мосту, даже под огнем врага не сможем уйти в укрытие. Проклятый разведчик наводит на скопившуюся технику бомбардировщики, эту «раму» ненавидели больше любого самолета, он был снабжен совершенными цейссовскими оптическими приборами, с недостижимой высоты видит, как на ладони, что у нас делается.

– Смотри, смотри, летят, – с тревогой в голосе, запрокинув голову лицом вверх, левой, свободной от работы рукой, показывает напарник по пиле Леонид Дурасов.

Высоко в небе с юго-запада плывут девять двухмоторных бомбардировщиков Ю-88, над ними по сторонам стальными стрелами прочерчивают небо истребители Ме-109.

– На Ленинград, – комментирую я, не переставая тягать широченную поперечную пилу. Вдарило в башку: Петродворец, Кировский завод, мирные жители, дети. Дети! Неужели на них упадет бомбовый ад, разве допустят? Быть этого не должно.

– Где наши «ястребки»? – пристально всматриваясь в восточную часть небосклона, спрашивает Дурасов. Руки быстрее и быстрее таскают пилу, сильнее нажимаем на полотно, пот катится градом, рукавом гимнастерки смахиваю с лица, протираю глаза и лоб, пар столбом стоит. Голова Лени беспрерывно то наклоняется, то поднимается вверх, высматривая появление наших истребителей. В момент, когда лесина разломилась, воскликнул:

– Во-он, смотри!

Два звена наших И-16 по небосклону, как в гору, медленно, нутужно всплывают вверх. Казалось, не летят, а ползут, взбираясь на трудную для них высоту, настолько тихоходны они по сравнению с «мессершмиттами».

– Вот сейчас гансы драпанут, – выказывает затаенное желание Леня Дурасов.

Тут же крикнул:

– «Мессеры»! Три... четыре... шесть, девять, вот сволочи.

Немецкие самолеты, как стальные дьяволы, звеня, оставляя едва заметный след, высматривают цели для атаки, открыли огонь, опережая наших истребителей.

– Какой порядок, какое изыщество, – восторгается немцами красноармеец Голован. Язык у него треплется, как худая варежка на колу, задрал вверх жирную вывеску, сияет от удовольствия.

– Нехай ихних 6, а наших 18, глянули бы на порядок немецкий, – с нескрываемой ненавистью цедит сквозь зубы Осадчий.

В лесу истоиво застучали зенитные батареи, в небе, сзади и выше «юнкерсов» рвутся зенитные снаряды, разрывы обозначаются белесыми облачками дыма. Уже испятнан большой участок небосклона, но ни один снаряд, ни один осколок не попали в цель, воздушный бой продолжают только истребители. От строя бомбардировщиков отделяется тройка, самолеты по очереди ложатся на крыло, заходят на нас от солнца.

– В укрытие! – командует взводный.

Бросаемся, сломя голову, в ровики, земля – единственное спасение. Какими долгими и кошмарными были минуты налета. Первый «Юнкерс» сбросил бомбы на соседнюю батарею 52-мм зенитных орудий, второй пикирует ближе, третий «наш»! Его бомбы разорвались рядом, в траншеях первого взвода. Столбы дыма, подсвеченного пламенем взрывов, конусы взметнувшейся в небо земли, облака пыли скрыли позицию. Земля будто сдвинулась в одну сторону, затем заходила туда-сюда, задрожала. Красноармейцы первого взвода частью остались в укрытиях, некоторые выскочили, бросились в лес. Зачем? Страх обуял, слышится крик, гам.

– Назад! Ложись!

Думаю, нас не задело, на этот раз пронеслась беда. Глянул в небо, примерно в том месте, где только что была первая тройка, ложатся на крыло, заходят на бомбежку еще три бомбардировщика. Эти действительно «наши», блеснув на солнце, пикируют один за другим. Внутри сжалось, вдарился в отчаянность, страх независимо от воли делает подлое дело, дрожь бьет изнутри, руки хватают что надо и не надо, ноги подламываются.

– Во-от какой ты вояка, – думаю о себе и ничего не могу поделать.

Наваливается вой самолетов, вдобавок раздается протяжный, проникающий во все косточки зловеющий свист падающих бомб, за ним оглушительный громовой раскат бомбовых взрывов, рвущих воздух. Темнота, наступившая после удара, удушающий противный запах тротила, крики, вопли раненых, это подействовало настолько угнетающе, что стал сам не свой. Налет продолжается, в просвете дыма и пыли увидел, как из чрева другого бомбовоза устремились вниз черные обрубки, летят вместе с пикирующим бомбардировщиком не куда-то, не на кого-то, а прямо на меня. Успел подумать:

– Вот это «мои».

Мелькнула мысль: брату письмо не написал, не ответил сеструшке. Посмотрели бы, как воюю, немец бьет смертным боем, я его не могу ничем достать. Неужели везде так?

Взрыв! Первая из бомб упала не на меня, а в метрах 50–60, вторая, третья... куда – не видел, не слышал. Земля от схлестнувшихся разрывных волн ходит ходуном, мочажинная, рыхлая, какая-то некрепкая, как лыком шитая, студень, да и только. Взрывные волны больно ударили в уши, ничего не вижу, не слышу, где я? В глазах режет, во рту песок, когда успел

наглотаться, для чего рот раскрывал? Голова разбухла, сделалась чужой, наполненной какой-то дрянью, но организм живет, цепляется за спасительные нити.

– На дно ровика, – говорил себе, – не вздумай падать, засыплет.

Так и сидел на ногах, согнутых в коленях, пригнув сколь можно ближе голову, при каждом обвале стенок окопчика инстинктивно, как червь, выбирался на свет божий. Дым, смрад укрыли непроницаемым пологом от солнца, от воздуха, от развернувшейся над нами трагедии воздушного боя.

Вместе со здоровыми мыслями приходит оздоровление чувств, освобождение от страха. Думаю, чего зря бояться, не пескарь же, что жил – дрожал, умирал – дрожал. Надо кончать эти «нежности», летчики вон как сражаются. Ветер относит в сторону черную мглу, смотрю вверх, хочу понять, что там. Вырисовывается мрачная картина. Наших соколов осталось только четверо, «мессеров» по-прежнему девять, с юго-востока наплывают три «Юнкерса», заходят с несколько другой точки в небе, направляются вдоль дороги, бомбы падают то слева, то справа, настигая спасающиеся машины.

– Гля, наш горит! – хрипит рядом сосед, он выбрался из укрытия, стоит на широко расставленных ногах, как моряк на палубе, каской показывает на «ястребок», камнем падающий вниз.

Но вот один из И-16 свалился на уходящего Ю-88. Вспышка, бомбовоз задымил, как будто споткнулся, замедлил ход, стал скачкообразно снижаться, теряет высоту. Тянет, тянет, сволочь, на северо-запад, в Эстонию, но вошел в «штопор», камнем рухнул вниз. Спустя несколько секунд слышим глухой, но мощный звук взрыва.

– Смотри, смотри! – прыгает от радости Дурасов, наблюдая за поединком истребителей.

Наш летчик в порыве мести за гибель своих товарищей повел истребитель на таран, ганс не пошел в лоб, уклонился, наш успел вклепить сноп из огня и металла. Вражеский самолет, отстреливаясь, взмыл вверх, задымил, потянул восвояси, «ишачок» тоже покинул небо. В высоте злорадствует стая «мессеров», они, как собачья свора на псовой охоте, мотаются из стороны в сторону, выискивая новую жертву.

– По местам, – передается приказ командира роты. Комвзвода лейтенант Сидорчук жив и выглядит довольно-таки прилично, не то что я и мои товарищи. Он быстро собрал взвод, повел на те же объекты. Машин скопилось вдоль дороги видимо-невидимо, пристраиваются в хвост колонны, а время-то светлое! Мы изватланные, измятые, занимаем всяк свое место. Многие работы не обеспечены, четверо бойцов погибли от прямого попадания, шестеро тяжело ранены или контужены. Возле них санитары, более десятка ранены легко, после перевязки направлены в медицинский пункт, но многие в МП не пошли. Остался и Осадчий, у него правая щека красно-синяя, с ободком подтека, ушиблен. Вышел на мост Голован, куда делась его надменность, бледен, зареван, выглядел, как курица, помятая коршуном, ноги едва волочит.

Сидорчук приказал за один час исправить настил на мосту, теперь надо вкалывать. Одни тащат бревна, доски, другие скобы, штыри, проволоку. Я и Петр Осадчий плотничаем, протесываем, поплотнее подгоняем бревна, поверх полотна укладываем, скрепляем, делаем колею из досок, внизу тем временем укрепляют столбы. Готово! Зеленый флажок регулировщика взмыл вверх, затем горизонтально, путь открыт, машины тронулись. Мы тоже «готовы», упасть и не встать хотя бы один час.

Ночь, тучи на переднем крае обороны подсвечиваются вспышками выстрелов, беспрерывно взмывающими вверх осветительными ракетами, фронт живет. Невдалеке ка-ак саданут два осколочных снаряда, немец взводом пушек бил по мосту, не попал, промазал и замолчал. Трах! Трах! – опять заговорили взрывы на обочине дороги. Разбиты две машины, одна из них с красным крестом, медсестра сопровождала в госпиталь тяжелораненого майора

и троих красноармейцев, в живых остался только один боец. В другой автомашине убит шофер, снаряд вырвал из кузова доски, ящики со снарядами остались целыми.

На дороге затор, батарея фрицев лупит и лупит. Командир взвода приказывает ликвидировать пробку в зоне обстрела, вместе с нами бросается вперед, дает распоряжение водителям, как старший по званию принимает меры по наведению порядка. Бросаемся за ним, от начальства не отстанешь, субординация не позволяет, дело не терпит. На одну из машин переносим уцелевшего тяжелораненого, санитарную машину сбрасываем в кювет, на другую грузим убитых. ЗИСом сталкиваем поврежденные автомобили, они загудели вниз, в болото, перегружаем снаряды, откуда только силы брались?

Впервые за месяцы совместной службы увидел своего командира взвода лейтенанта Сидорчука таким, каким был в действительности, – боевым, смелым, решительным и... жестким. Что породило такие способности? Он до сих пор загонял эти качества внутрь себя, не показывал. Я понял, что этому причина боевая обстановка, чувство ответственности.

Потери в те дни были большие, к своим трагедиям как-то притерпелись, война же, а к гибели авиаторов, свидетелями которой были изо дня в день, привыкнуть не смогли. Слишком многое ставилось на карту в воздухе, без современной авиации победить врага невозможно. Каждый летчик был лучшим воином страны, он мог защитить сотни, тысячи людей, почему так много гибло? Да потому, что летали на машинах И-16, гораздо худших, чем Ме-109, хотя многие военные утверждали обратное, сам И.В. Сталин так и писал в своем приказе: «Наша авиация по качеству превосходит немецкую авиацию».

Насмотрелись на этих бедолаг, если они дрались на равных, то лишь из-за личной храбрости, отчаянной отваги. Вот самолет ПО-2, прозванный «кукушкой», «кукурузником», – другое дело, подобных у немцев не было. Стоишь, бывало, на посту, слышишь, что-то «пыркает» над головой. Самолетик несет «подарки» немцам на передний край, у фашистов переполох, зенитки захлебываются, прожекторы прорезают ночное небо, ничего не находят, а он отбомбился, спокойненько низко-низко летит домой, садится в кукурузу, то есть на полевой аэродром. Особенно удивляло, что пилотами и штурманами были женщины, хоть и «слабый пол», мы им, бабам, в подметки не годимся. Пол-то, может, и сильный, а вояки из нас покуда никудышные.

Часто припоминаются боевые эпизоды авиации, переживания за ее неудачи и радость побед. Воспоминания, во-первых, связаны с тем, что самолеты всю войну висели над головами, в боях во многом делали погоду. В 1941–1942 годах в небе господствовали гитлеровцы, со второй половины войны в подавляющих случаях – наши, не те самолеты, которые летали в начале войны, а новые, более совершенные, превосходившие немецкие, то были Як-3 и Ла-7. Что прочувствовал на своем опыте в боях за Новороссийск летом 1943 года. В том, что остался живым, немалая заслуга «красных соколов».

Во-вторых, узелочки, притом болезненные, были завязаны в памяти студенческих лет. В 1936 году в Ставропольском зоотехническом институте горвоенкомат объявил набор на учебу в летное училище. С нашего третьего курса желающих оказалось 12 человек, призвали лишь четверых. Друга моего, Петьку Рессера, приняли, меня нет, комсорга курса не взяли¹. Как так, почему, сколько было переживаний, пришлось идти в осоавиахимовскую кавалерию, там утолять жажду службы. Скакали, рубили шашками, прыгали через заборчики, ямы, казачатам это в привычку, но в авиацию бы!

¹ А.Т. Дронов был племянником двух казачьих полковников, эмигрировавших в Сербию и в США. – Прим. В. Дронова.

Атака врукопашную

В конце июля 18-я армия фон Кюхлера ценой больших потерь вышла к Луге. Цель вермахта была в том, чтобы в намеченные сроки захватить Ленинград. Однако этот план немецкого командования так и не был осуществлен. Путь к Ленинграду мы преградили на Лужском рубеже. Наступление противника развивалось севернее и южнее Луги. С целью обойти город гитлеровцы предпринимали атаки одну за другой, не отказывались и от лобовых действий. Немцы неожиданно нанесли удар у совхоза «Солнцев берег», на 17-м километре шоссе. Дорога прорвали линию обороны, угрожая захватить Лугу. Плотность наших войск оставалась достаточно низкой. 177-я стрелковая дивизия Лужского участка обороны, прикрывая важнейшее направление на город Лугу и имея перед собой три дивизии противника, занимала оборону на фронте 22 километров.

Наш 86-й дорожно-эксплуатационный полк прибыл в район Толмачево, это концевая станция на железной дороге Ленинград – Луга. Последняя остановка на пути из мира, расстроенного войной, в войну, на ее передний край. Мне впервые пришлось участвовать в боях. После работы на дороге поздней ночью приплелись в расположение полевой кухни на ужин. В глуши леса благодать, место сухое, спокойное, снаряды залетают редко, спотыкаются о сплошную стену высоких деревьев на косогоре и рвутся. Сон сильнее голода, скорее добраться до привала, спать, спать, о бессоннице понятия не имел, даже под артобстрелом иногда спал. Сквозь сон слышу негромкую, но властную команду:

– Боевая тревога, боевая тревога!

Слышу – надо вставать. Так чувствует мать, когда ребенок плачет, спит и слышит, сон как рукой снимет. Надо! Вскрываю, невидящими глазами заамуничиваюсь, благо все на мне, при мне, под рукой, винтовка под боком, противогаз под головой, ботинки расшнурованы, но не сняты, обмотки на ногах, котелок на поясе, шинель подостлал, шинелью укрылся. Шинель серая – для воина защитница первая.

Сразу почувствовал, что в роте переполох, передний край взбудоражен, на западе сплошной гул.

– Выходи строиться.

Это мы умеем, идем в глубь леса в расположение тыла батальона, обстановка, как в потревоженном улье. Выдают дополнительный комплект патронов, гранат, бутылку с противотанковой горючей жидкостью, штык, каску, сухой паек. Идем быстрым марш-броском, чем ближе передний край, тем отчетливее его дыхание, отдаленные выстрелы становятся ближе и ближе. Черная, хоть глаз коли, наволочь закрыла передний край. Неразличимые всполохи под нависшими тучами сменяются видимыми вспышками выстрелов, зарницами пожаров, светом ракет, звуками артиллерийско-минометной стрельбы. Сноп огня – работают пушки, пульсирующие огоньки – очереди из пулеметов. Резко, отрывочно, со стуком – крупнокалиберные: «Та-та-та-та», вяло, приглушенно – ручные: «Та-та, та-та». Затем стали различаться звуки винтовок.

Осветительные ракеты непрерывно висят в воздухе, сменяя одна другую. Находимся в каком-то громадном зловещем огненном треугольнике, что к чему не поймем, откуда знать, передний край видим впервые. Фронт представился огромным двуединым огнедышащим существом, изрыгает огонь, долбит из тысяч своих жерл, больших и малых.

Догнали другую часть, нас обходят четыре танка, фары закрыты, горят подфарники, свет через щели едва-едва обозначает короткую полосу пути перед гусеницами. Вслед промчались батареи истребительного противотанкового полка, идут подразделения различных войск, на пути встречаются опорные пункты артбатарей, минометов, спешно окапывается пехота. Зарываются, заправляются горючим, готовятся к бою.

Открывается картина оборонительного ночного боя, она из двух слагаемых: звуковой какофонии и огневой расцветки. Кто стреляет, какая сила противостоит, не понять. Противоборствующие силы в страхе, желая упредить противника, палят из всего, что есть под руками. Потом узнали, что у обеих сторон огневых средств было явно недостаточно, чтобы сунуться в атаку, да еще ночью. Прорвав на небольшом участке оборону в лобовую, немцы не смогли развить успех, сил не хватило. Ждут подкрепления, используя ночь, спешат пополнить резервы. Командование решило опередить фрицев, взять на приступ, нанести ночью контрудар, восстановить утраченные позиции, для этого подняты резервы, тыловые части, инженерные войска, среди них наша рота.

Ближе и ближе подходим к переднему краю, попали под артобстрел, напряжение возрастает, приказано окопаться. Выдолбил ячейку для головы и груди, вжался, на большее сил не хватило. От мин в таких окопчиках спасенья нет, они разрываются сразу, как только коснутся земли, смертоносные железяки разлетаются почти горизонтально, изрешечивают все, что находится на поверхности, артиллерийские снаряды имеют полет осколков под большим углом.

Командир взвода лейтенант Сидорчук получил боевой приказ на наступление, вызвал командиров, поставил боевую задачу. Отделенный рассказал о противнике, выявленных огневых средствах, конечная задача их уничтожить, занять оборону, сигнал к наступлению – красные ракеты. По ходам сообщения, траншеям, окопам занимаем позицию для атаки. Ожидаем, хуже нет ждать. Не знаешь толком, что будет, чи сена клок, чи вилы в бок. Ведь это первый бой, да еще ночной, вот-вот наступит решающая минута, перед тобой развернется что-то многоликое, страшное. Страх! Он вездесущ, как изгнать из себя?

Наши артиллеристы усилили огонь, это была лишь пристрелка целей. Немцы отвечают огнем на выстрелы наших орудий. Через недолгое время началось! Сзади осветилось, снаряды, мины с воём и клекотом проносятся над нами, рвутся на немецком передке. Смотрел на смерч, думал:

– Неужели останется кто-либо в живых?

Минута, две, десять, огненный вал отодвигается дальше, снаряды рвутся в глубине обороны противника, то была краткая артиллерийская подготовка. Красные ракеты! Вперед!! Вскиваю, внутри всего колотит, появилось ощущение невесомости, бежишь, себя не чувствуешь. Но помню учение старослужащих, что участок минных полей нужно преодолевать зигзагами – от воронки к воронке. Около них мин не будет, взорвались от детонации во время артобстрела.

Достигли нашего боевого охранения, бойцов осталось редко-редко, вместе с ними вперед, ура! Ура-ра-ра-ра! С криком легче. Наш объект – дом без крыши, остов которого едва-едва выделяется в серой ночи. Немец ожил, бьет из орудий и минометов, застрочил из пулеметов. Мы наступаем, падаем, встаем, снова бежим, трудно дышать. Где-то недалеко загудели немецкие танки, думаю, сейчас в атаку не пойдут, своих давить не будут.

Чесанули пулеметные очереди, мы прижались к теплой, отдающей запахом взрывчатки земле, пули то и дело: ви-и-у, ви-и-у, чив, чив, цвик, цвик. Каждая голосит по-своему, звук меняется в зависимости от того, что она делает. Если летит над головой, то завывает виу, виу, если кого-то пришила к земле, во что-то уткнулась, то цвикает, цокает, покает. Откуда-то сбоку поливает свинцом пулемет, нет сил, нет возможности подняться, шагнуть в смерть. Красные ракеты взмыли вверх и вперед, это снова приказ. Справа, среди гула, криков, брани различаю силуэт, слышу охрипший голос Сидорчука:

– Встать! Вперед! В бога, в креста!!

Правый фланг, повинаясь его воле, идет на врага, вижу согнутые, надломленные темные фигуры, красноармейцы ринулись в пучину огня, дыма, в рой свинцовых пуль, ржавых осколков. Вскиваем и мы, приказ есть приказ, вдруг впереди возник резкий ослепляющий

свет, моментально придавил нас к земле, раздаются оглушительные взрывы. Осколки снарядов с бешеным шипением проносятся над головой, их полет слышится всей спиной, всей кожей. Впереди стихло, вскакиваем, бежим к воронкам от снарядов, там, говорили бывалые служаки, спасение. Стало ясно, что немец обстрелом нас не убил, даже путь расчистил, своих уничтожил, тех, которые строчили из автоматов, бросали гранаты. Бежим к домику, до него рукой подать, огибаем, слева разворочен дзот, справа искромсан блиндаж, под углом дома разбита пушка, кругом свежие трупы, кажется, что фрицы еще живые. Глядь, в окопе два немца-пулеметчика, как черти из подземелья, в ночной серости кажутся черными, зловещими, неистово строчат по правому флангу нашего взвода. Мелькнула мысль: «Там командир Сидорчук!»

Немцы, как глухари на толчке, за трескотней пулемета почти не слышат, кроме цели, по которой ведут огонь, ничего не видят. Пользуюсь этим, но явно неразумно и безрассудно. Вместо того чтобы быстро стать на колено, еще лучше – залечь, прицельным огнем винтовки или гранатами уничтожить фрицев, бегу на них. Инстинктивно действовал по поговорке: беги вперед – лучше страх не берет. В движении стреляю в немца, что справа, он скрутился, закричал. Быстро работая затвором, заряжаю винтовку, посылаю патрон в патронник, хочу для верности всадить еще одну пулю.

Каким-то чутьем, боковым зрением определил, что второй немец не поднял руки, на что я надеялся. Сейчас, в эту секунду разрядит в меня свой автомат, прошьет свинцом. Стреляю и бью наотмашь винтовкой справа налево, луплю не штыком, не прикладом, как учили, а стволом, так пришлось. Прогремела автоматная очередь, взгвизнула в ушах, сверкнула резкими огнями. Перед глазами вспыхнули десятки свечей, пули прошли чуть выше головы, помешал мой удар, ганс целил как раз в меня. Рядом возник Петр Осадчий, крикнул каким-то страшным, не своим голосом: «Ложись, бей гада!»

Ночную мглу, гул боя прорезал иступленный крик немца. Так кричит заяц, попавший в зубы волка, так вопит человек, заглянувший в глаза смерти. То Осадчий всадил штык. Петр, отклонившись назад, выдернул винтовку из чрева врага, мы оба упали, лежим, видим, как идут вперед бойцы нашего взвода. Из дыма появился лейтенант Сидорчук. Он комок энергии, пример решительности, твердости и жесткости. Винтовка в левой руке, пистолет в правой, весь грязный, в пыли, без пилотки, с какими-то злыми глазами, с открытым ртом – не попадись ни враг, ни трус. Всканиваем – и вперед. Напарник Леняка Дурасов, оккупировав окоп, то выглянет, бросив вперед-влево гранаты, то спрячется, как потом объяснял, вел дуэль с немцами. Думаю, ганса не то убьет, не то нет, нам с Петром точно удружит по осколку, лучше отклониться вправо.

В траншее выросла фигура раненого отделенного, придавившего коленом фрица. «Я, – говорит, – живьем сдам в штаб». Бежим, как говорят казаки, шкабырдаем, то упадем, то встанем, то ползем, главное – добраться до первой траншеи. Дух захватывает, в груди горит, как много надо сил, чтобы побороть усталость, затушить жар в груди! Страх исчез, его вытеснил азарт схватки, в боевой обстановке у меня был какой-то рубеж, до которого боялся многого. Перевалив через него, даже смертельная опасность паники не вызывала. Понимал казачью мудрость: врага бояться – без головы остаться. Первый взвод, что наступал левее, задержался перед ожившим немецким дзотом. Нашелся смельчак-красноармеец, который ползком обогнул огневую точку, забросал гранатами, немцы не выдержали, выскочили, побили их на месте.

На востоке начало светать, стало кое-что видно, казалось, что вокруг ад. Перевернутые, раскоряченные пушки, пулеметы, немецкие трупы то и дело попадались под ноги, мнились затаившимися врагами, сейчас схватят тебя, стащат в траншею или всадят пулю в спину. Невольно прошивал их для верности свинцом, были среди немцев фанатики, которые, умирая, в нас стреляли. Немецкая артиллерия, уже без опаски врезать по своим, садит и садит

по нашим целям, по всей площади поля боя. Впереди стена взрывов, ее надо преодолеть, до вражеской траншеи рукой подать. Но как? Видим – сзади по нашим следам идет цепь пехотинцев, это подкрепление.

– Ура, ура! Вперед! Взять последний рубеж!

Немец усилил артогонь, но разве нас теперь остановишь? В окопах завязался ближний бой, в ход пущены гранаты, штыки, бежим вперед, вот она, заветная ячейка, вваливаюсь, можно перевести дух, воды бы! Кое-кто из наших стройбатовцев и подошедших пехотинцев в азарте боя, перепрыгнув через траншею, побежал на врага, но немцы поставили такой заградительный огневой вал, что преодолеть его оказалось невозможно, многие из смельчаков поплатились жизнью, другие ранены. Последовала команда:

– Ложись! Назад, окопаться.

Постепенно ползком, ползком, в окопах заняли опорный пункт. Взводного, как и отдельного, нигде не видно, потом узнали, что оба убиты. Черти с квасом съели Голована, пропал. Нету Осадчего, только что, перед последним броском, был рядом. Пробовал звать, не отвечает, у кого ни спрошу, не видели. Пойти на розыск нельзя, в бою назад не ходят, немец вот-вот ринется в контратаку. Сзади вгрызаются в землю пулеметчики, дальше ротные минометы, за ними пушки-сорокапятки. Снуют саперы с противотанковыми и противопехотными минами, с колючей проволокой, подносчики гранат и патронов тащат ящики с боеприпасами, даже повара появились с термосами в руках, вещмешками за спиной, спешат накормить до рассвета. Передний край живет своей утренней жизнью, днем ничего не сделаешь, немец поймает на мушку и...

По траншее, пригибаясь, идут командир роты и пехотный начальник, проверяют систему огня, боевую готовность. Поднялось солнце, глянул на восток, на поле боя, по которому только что пробились, ужаснулся, сколько наворочано! Пройти, повторить невозможно.

Противник вновь открыл артогонь, бьет по переднему краю, пронеслись штурмовики Ю-87, в небе рыщут вездесущие «мессеры», огонь усиливается. То там, то здесь в траншеях воздух взрывается истошным криком раненых, умирающих, уживаются рядом «мама» и трехэтажный мат, так раненые «разговаривают» сами с собой, жаловаться больше некому. Вижу – спереди, метрах в двухстах, по всему полю что-то шевелится, ползет туча черная. Это немцы! Бросками, короткими перебежками приближаются ближе и ближе, пулеметы свинцовым градом посыпают траншею, немцы идут в атаку.

– Вот и наступил смертный час, – думаю о себе, – надо успеть пару фрицев уложить прицельным огнем, еще одного приму на штык.

Готовлюсь, изыскиваю силы, уверенность, что выстою, не дрогну. Было ясно – не уцелеть, впереди немцы, с тылу приказ ни шагу назад. Наша артиллерия открыла огонь по контратакующим, редковатый, но меткий. Не остановить, немец, вот он, встанет во весь рост и пойдет. Что делается в груди! Раздается команда:

– Гранаты к бою, огонь! – Оружие в траншеях заговорило. Беру на мушку ближнего немца, выстрел, промах. Быстро посылаю в патронник новый патрон, выстрел, мимо! Эге, думаю, так не воюют, высовываюсь из окопа, ложусь грудью на бруствер, вот и прорезь прицела. Мушка и фриц совпали. Курок! Толчок в плечо, дымок на миг скрыл фашиста. Ага, нашла! Охватила радость, немец дернулся, скрутился, лежит, целюсь в другого.

Вдруг впереди меня будто какие-то птички с налету бросились в пыль. Думаю: «Не страшно вам, искупаться надумали». В ту же секунду поумнел, пули цвик, цвик в бруствер, аж землю сыпануло в глаза, дурень, это пулеметная очередь! Ползком, ползком, на брюхе в окоп, храбрость хороша, когда голова на плечах, надвинул каску, меж срезом и землей оставил маленькую щель, посылаю выстрел за выстрелом в немцев, уже не прицельно.

Немцы подняты, идут во весь рост, их секут наши пулеметчики, а фрицы передвигаются, падают, снова поднимаются. Что с ними, пьяные? Сзади раздается гром выстрелов наших пушек, артиллерия и минометы ставят НЗО – неподвижный заградительный огонь. Нам мрачно, жутко в 100 метрах, а им какво, среди нападающих творилось что-то страшное, но этот обстрел принес спасение, радость и облегчение. Правду говорят, что артиллерия – бог войны, атака врага захлебнулась.

Мучит жажда, утром, когда получил флягу, сразу выпил, днем воды не достал, терпи, солдат. Дурасов сидит в окопе, что-то показывает жестами, не до него, немец бьет и бьет. Стемнело, Ленка приполз ко мне, захлеб рассказал, как отразил атаку трех немцев. От командного пункта роты идет Осадчий, нагружен, вооружен до зубов. От радости переломали друг другу ребра, самое главное, принес воды, котелок каши. Петра ранило в руку, осколком шкребануло, бумажку с красной полосой (направление в медсанбат) не дали, при медсанчасти картошку чистит. Голован находится в тылу, болтается у кухни, голову обмотал, ранен в лицо и ухо. Он ходит козырем, как же, кровь пролил. Где он ее проливал, мы не заметили, отстал от нас далеко от домика и дзота, то есть в самом начале атаки. Дурасов утверждал, что Голован сам себе штыком пропорол кожу на щеке и раковину уха.

Всю ночь, согнувшись под тяжестью амуниции, под шальными пулями, в наши траншеи шли и шли свежие подразделения. Они быстро, сноровисто занимали боевые места в лабиринте траншей. Остатки роты отвели на другой участок обороны, на ее вторую полосу. Вскоре ко мне подошел Нагимулин.

– Дронов, ну как, правду я тебе говорил? Повоевал? Да еще пулеметчика кончал. Якши!

– Немного повоевал, командира взвода потеряли, других много.

– Да, комвзвода Сидорчук боевым был, молодец был, якши был.

Задумавшись, добавляет:

– Правду в народе говорят, что на войне гибнут хорошие люди.

В минуту опасности человек оголяется, при нем остается лишь то, что Его.

Наука отступать

Середина августа 1941 года, враг рвется к Ленинграду, у Луги идут кровавые бои, городок стал острием штыка защиты второй столицы. 16 августа немцы заняли Кингисепп на севере, 20-го Чудово на юго-востоке от Луги.

Которые сутки копаем, роем, кажется, сделано все, чтобы остановить врага, затем отбросить, так виделось с солдатской колокольни. Наступила тревожная ночь, вокруг творится неопишное, на переднем крае сплошной гул боя. Идет отступление, в тыл устремились колонны машин, по обочинам дорог, по бездорожью вышли бесконечные колонны стрелковых частей, тракторы ЧТЗ тянут крупнокалиберные орудия, четверки лошадей мчатся с семидесятимиллиметровыми полковыми пушками, гудят танки. Поговаривают, что на ПК остались те, которые только через свои трупы пропустят врага, такова судьба арьергарда.

Многих «диких» останавливают, формируют команды, направляют в окопы, за свою трусость некоторые расплачиваются головой. Что делается, уму непостижимо. Про части, которые отходят, говорят, что направляются на заранее подготовленные рубежи, где они? В окопах суматоха, команды, команды... Многие неуместны, бесполезны, ни складу, ни ряду.

Для меня задача понятна: ни шагу назад, ясна ли для тех, кто уже не говорит, а хрипит от бесконечных распоряжений? Не похоже на организованную оборону, больше лыком шито. Нашелся бы командир, обуздавший эту неразбериху, организовал и повел в бой. Видно, что отступаем, арьергард истекает кровью. Немец вот-вот появится, может случиться похуже, обойдет, окружит. Скорее бы открытый бой, лоб в лоб, побежим – догонит, искромсает в сумятице бегства.

Принесли завтрак, знаю, надо есть, на целый день заправка, но не могу, внутри сжалось, онемело. Немца испугался, смерти боюсь? Нет, плевал на смерть сегодняшнюю, чем она хуже завтрашней, все равно не выжить. Что-то помимо меня цепляется за жизнь, более того, дрожит за нее. Впереди замаячили немцы, в нашу сторону направлен ослепительный свет артиллерийских выстрелов, слышен свист снарядов, визг мин, воздух разорван, земля вздыбилась красно-бурыми фонтанами. Что делается вокруг, ни посмотреть, ни сказать, ни спросить. Мы подавлены бесконечными взрывами. Во взрывах текут минуты, да как долго! Будет ли конец? Когда он, сволочь, подтянул столько артиллерии, снарядов, и жизни не рад, а фриц бьет и бьет. Живы ли товарищи?

Артподготовка наступления смолкла, сейчас немец ринется в атаку. Слышится команда:

– Приготовиться!

Очистил винтовку от земли, протер затвор, провернул раз, другой. В окопах народ ворочается, живы, многие погибли, ранены, не без того, но боеспособность роты сохранилась, комроты по цепочке шлет приказы за приказами. Ждем немца, пусть сунется, живьем в руки не дамся!

Положение изменяется к худшему, фашисты бросили авиацию, над нами повисло несколько десятков пикировщиков и истребителей. В воздухе слышится и нарастает гул. Все вокруг им наполняется, он разливается везде, проникает внутрь, вызывая знобящую тревогу, сжимая какими-то пружинами все то, что есть во мне... Пикирующие бомбардировщики нависли над нашими позициями, чуть выше «мессеры». Самолеты устремляются на траншеи, режут, рвут воздух, их злобный полет в падении, визг и свист бомб, фонтаны земли терзают душу, вжимают тело в землю. Меня бросает, кружит в окопе, как пробку в бутылке, тугая волна взрыва ударила в уши, разорванный грунт осел, осыпает с головы до ног. Снова заходит тройка Ю-87, летят черные обрубки, не в нас, подальше к лесу.

Ничего, живой, как стуцерь. Быстро привожу в порядок винтовку, гранаты. Раздается вопль потерявшего волю пехотинца: «Не-емцы!» Наверное, парень контужен, он орет, заикаясь, широко раскрыв рот, выпучив глаза. Винтовкой, поднятой дрожащими руками, указывает на ложбинку, где бегут человеческие существа мышиного цвета. Правду говорят, пуганая ворона куста боится, боец только из окружения, их посадили в окоп для усиления обороны. Через некоторое время кто-то горловым голосом заорал: «Та-анки!» Это красноармеец Голован, завидев четыре бронемшины, свернувших в нашу сторону, поднимает панику. Как лютых зверей, мы боялись этих чудищ, в 1941-м кто их не страшился, в том бою даже бутылки с горячей жидкостью не было.

– Огонь, – доносится команда командира роты.

Застрочили выжившие пулеметы, присоединились резкие хлопки выстрелов винтовок. Напряженно, как не своими руками, ловлю на мушку развернувшегося боком немца, он показывает направление наступления, наверное, фюрер какой-то. Выстрел! Промых, выстрел, снова промах, как заколдованный, бежит, проклятый. Еще, еще стреляю, немец качнулся, согнулся, перехватив живот, упал на бок. Подкошен пулеметной очередью, или мною посланная пуля встретила его на своем пути, разве разберешь. За две-три минуты боя их мало упало, видимо, руки дрожали не только у меня.

– Гранаты к бою! – подает команду старший сержант, теперь он за комвзвода, кричит так, что не поймешь, чего больше в команде, приказа или страха. В гуще атакующих немцев, разрывая их надвое, сплошным столбом встали фонтаны огня, дыма и земли, наша артиллерия ударила по врагу. Передние, что ближе к нам, упали, залегли, немцы деморализованы.

– Вот так, шиш вам, накося выкуси, – торжествую, подбадривая сам себя.

Восторг был недолгим, снова появились пикирующие бомбардировщики, артиллерия врага усилила огонь. Почувствовал, что сзади меня подразделения зашевелились, пришли в движение, оглянулся и вижу: наши драпают в лес. Бегу по траншее, по ходу сообщения, через трупы, метров четыреста преодолел с такой скоростью, любой спортсмен позавидовал бы. Оглянулся на позиции – все поднято дыбом, вот уж доподлинно ушел из могилы.

На проселочной дороге встретил Осадчего.

– Ты когда утекнул?

– Когда, когда. Когда был приказ, – отвечает Петр.

– Разве он был?

– Понимать надо, – нравоучительно ухмыляясь, отвечает Осадчий.

ШТЫКОМ В ЗАЛИЗНЫ ОЧИ

Противник захватил Колпино и вышел к Красногвардейскому укрепрайону, затем овладел Тосно. Отходившие дивизии попали в окружение 26 августа. В «котле» оказались наша 177-я стрелковая дивизия, а также 70-я, 90-я, 111-я и 235-я дивизии, 24-я танковая. После нескольких неудачных попыток организованно вывести эти войска из окружения командующий Лужским участком обороны генерал-майор А.Н. Астанин получил распоряжение уничтожить или закопать материальную часть и выходить из окружения мелкими группами в заданных направлениях. Окруженным частям и соединениям пришлось разделиться на несколько групп и выходить на соединение с войсками фронта в районах Кириши и Погосте.

Как мы драпали, про такие дела говорить до чрезвычайности неприятно, самому перед собою стыдно. А. Твардовский описывал:

Шел наш брат, худой, голодный,
Потерявший связь и часть,
Шел поротно и повзводно,
И компанией свободной,
И один, как перст, подчас.
Полям шел, лесною кромкой,
Избегая лишних глаз...

Стежки-дорожки проходили по лесам, мочажинам, местами по болоту. Гитлеровцы на бронетранспортерах, мотоциклах, машинах, у них танки, самолеты, пушки. Мы пешки телепаемся, с винтовкой в руках, с гранатами на поясе, противогазом на боку, с пустым желудком. Вот потому и бежали, идем к Ленинграду, там надеемся собраться с силами, организоваться, вооружиться, дать немцу по зубам. Даже во время отступления были вера и надежда, решимость и ненависть.

Остатки потрепанных в боях частей и подразделений, группы и одиночные бойцы, потерявшие связь со своими частями, чаще шли ночью. С нами следуют командир группы, штабное начальство. Остановились перед шоссе, разведчики выяснили, что по-доброму перебраться нельзя, немцы едут без конца и края. Каждый понимал, что надеяться, пока пройдут немецкие колонны, бесполезно, ждать ночи тем более опасно, ибо обнаружат, разбомбят, закроют выходы. Нашей роте, усиленной трехпушечной батареей сорокапятков и отделением минеров, приказано вырваться из леса, оседлать шоссе на косогоре, задерживать врага, обеспечив возможность пересечения дороги другим подразделениям. Используя небольшой перерыв в движении немецких машин, заняли позиции по обочинам, вжались в ямы, в наспех выкопанные ровики. Саперы, как оглашенные, носятся с минами, напичкивают ими подходы, против танков ничего другого нет.

– Штыком в зализны очи, – навроде как шуткует кубанский хохол Остапенко.

Не успели врыться в землю, показалась голова немецкой колонны, впереди мотоциклисты, за ними два бронетранспортера с автоматчиками. Без конца и края, как длинное-предлинное пресмыкающееся, изгибаясь меж лесов, по дороге ползло что-то страшное, темное, неразличимое.

– Эх, парочку танков, накромяли бы фаршу из немцев, – говорит старший сержант, зло всматриваясь в колонну.

– Как бы из нас винегрет с землицей не получился, – выказывает опасения Осадчий.

– Меньше бы чухались, – слышу голос Дурасова из своего окопчика.

– Приготовиться к бою, по мотоциклам не стрелять, – подает команду комроты.

Ничего не заметив, немецкие мотоциклисты проскочили мимо, через минуту слышим стрельбу, первый взвод их прикончил. На нас мчатся два броневика.

– Батарея! Огонь! – слышится команда в лесу.

Перед бронетранспортерами рвутся два снаряда, одна машина уткнулась в кювет, вторая остановилась, водит из стороны в сторону пулеметным стволом, из дульного среза запрыгали светлячки. Стреляя, броневик пятится назад, пули цокают о стволы деревьев. Автоматчики выпрыгнули на землю, нас они не видят, смотрят в лес, откуда стреляют пушки. Фрицы орут, строчат по опушке, на подмогу мчится еще один бронетранспортер, из него бьет пулемет. Молчим, пушечки воюют, пускай делают свое дело. Загорелся второй броне-вик, немцы залегли, какой-то офицер-фанатик поднял их, повел опушкой леса, напоролись на второй взвод, те уколошили его самого, нескольких фрицев. Очередь дошла до нас.

– Огонь! – командует комвзвода.

Винтовочные выстрелы сначала вразнобой, потом дружнее слились в единый поток огня. Немцев бьем, они ничего поделать не могут, не долетают пули хваленых «майссеров», на такой дистанции сказывается преимущество наших трехлинеек, вдобавок гансов накрыли разрывы сорокапятков.

– Добре, бей гадов! – кричит командир.

Чего не бить, фрицы пожаловали незваными, не мы, стреляй! Воздух прорезали немецкие снаряды, открыла огонь батарея 57-мм пушек. Перелет, это ненадолго, пристреляются. На позиции первого взвода обрушился смерч разрывов, заплясал по дороге, по лесу, сосредоточился в районе наших пушек.

Вжались в землю, немцы, полагая, что «рус партизан» напугался и убежал, пошли амором, во весь рост. По новой команде – шквал огня, противник прижат к земле. Видим, что первый взвод снялся с позиции, скрывается в лесу, кое-кто из наших тоже поднялся, последовал грозный окрик командира:

– Ложись, мать-перемать, убью!

Подействовало, улеглись, усилили огонь. Немцы, увидев, что красные побежали, вспашились, поднялись во весь рост, пошли, но напоролись на огонь нашего взвода, вот где отвели душу! Фриц напирает, нам байдюже, вошли в азарт боя, хорошее было состояние, ни черта не думали, кроме как убить врага. Издалека пулеметы строчат по позициям, нам хоть бы хны, стреляем непрерывно, пора бы сниматься, а мы рады, что дорвались. Вдруг рядом со мной, будто полосонули штыком в брюхо, заорал сосед:

– Танки!

Из колонны вышли бронированные чудища, по обочине дороги устремились прямо к нашей позиции. В запасе есть минут десять, чего раньше времени паниковать, но всех обуял страх, нам нечего, кроме собственного затылка, противопоставить танкам. Командир роты подает команду: «Гранаты!», а мы... устремились в лес, правда, по команде старшего сержанта.

Итог боя: разбито две пушки, убиты четверо, ранены шестеро. Немец в лес не двинулся, побоялся. Похоронили убитых, захватив тяжелораненых, уходим по склону, заросшему лесом, отход прикрывает первый взвод. Тронулись в путь, часа через три догнали своих, осмотрелись, удивились – нас мало, а какую махину задержали, сколько фрицев искромсали. Командир роты возвратился от начальства, поздравил с одержанной победой. Стабунились, всю ночь тащили ящики с патронами, гранатами, с имуществом, несли тяжелораненых, где брались силы? Надо спешить вырваться. Утром попали на деревушку в одну улицу, жителей не видно, сбежали в лес. Дома, сараи, другие постройки либо разрушены, либо сожжены, крестоносные бомбардировщики уничтожили этот «важный военный объект».

«Лесная республика» полна слухами, одни говорят, что немцы подошли к Гатчино, другие толкуют, что заняли город Пушкин. Надежда на то, что это выдумка паникеров, пере- сказ провокаторами геббельсовских листовок, фашисты сыпали их сотнями на наши головы. От одного к другому пополз слух, что выхода нет, окружены, сдаются в плен. Мы к коман- диру, тот ничего не знает. Слух обретает силу, лесной лагерь заволновался, закучковался, красноармейцы группами обсуждают обстановку. Молва делает свое дело, в лицах видится разное отношение к беде, одни рады, что конец войне, остались живы, другие ходят серее тучи, таких большинство.

Не в состоянии описать свои чувства и мысли, горе неизбывное – самое подходящее определение тогдашнего состояния. Мысли уносят на Дон, к дому, к родителям, к брату Ефиму, вот и победил врага, вот и «России верные сыны», как же так? Здоровы, можем драться, по меньшей мере, в бою убьем по одному немцу, и то дело, а тут без боя в плен. Казаки наказывали: лучше глаза лишиться, чем доброго имени. Своему другу Осадчему ска- зал прямо, что не сдамся, уйду, Петро засиял, ткнул в плечо, не сказал ни слова, пошел к Дурасову, тот обрадовался, доволен принятым решением.

Пущен слух, что переход к немцам происходит согласно приказу, с оружием, с амуни- цией, сдавшимся будут оказаны немецкие льготы, к дезорганизаторам добровольной сдачи будут приняты меры. Долго бушевали стриженные затылки, страшное дело неведение, не зна- ешь, как эта овчинка вывернется, мездрой или шерстью, какими надо владеть силами, чтобы не потерять себя. Узнали, что вопрос обсуждался в штабе, к чему пришли, неизвестно. Через некоторое время идет батальонный комиссар, с ним пять-шесть штабных офицеров, пополз шепот:

– Комиссар башкирин, недоволен русскими, ему немцы ничего не сделают, откупится нами. Верили, а он...

И пошло-поехало. Вдруг команда:

– В две шеренги, становись.

Почему не поротно, повзводно, что, мы уже сброд? Нагимулин подходит к строю, ему докладывают по уставу, показывает обеими руками, чтобы правый и левый фланги подошли ближе. Видно, что хочет обратиться, это удастся трудно, произносит:

– Мит (по-башкирски «я»), – потом, спохватившись, переходит на русский:

– Я знает один приказ, Сталин приказ. Драться, пока голова есть, пока сердце есть, живыми в плен не сдаваться!

По шеренгам прошел вздох облегчения, хоть находимся в строю, загудели, заговорили. Окрепшим голосом Нагимулин добавил:

– Паникеров судить на месте! – Рука машинально легла на кобуру пистолета.

Обращаясь к командирам, сказал:

– Я в голове колонны, выполняйте.

– Вторая рота, становись. Первый взвод...

Пошли в сумерках леса, но казалось, что перед нами дорога домой.

– Вот он, настоящий командир, – говорит Осадчий.

– А что говорили о нем, – присоединяется Дурасов.

– Мало ли болтунов, – отвечаю я.

– Это не болтуны, это провокаторы, таких расстреливать надо, – возмущается Петр.

Каждый к своим

И пошли на восток, на звуки боя впереди, справа, слева. Чем ближе к Гатчино, тем труднее, стычки с немцами участились, боеприпасы на исходе. Несколько дней не работает пищеблок, полевая кухня брошена, в ней сварена последняя пара буланых, больше закладывать нечего, перебиваемся с сухаря на воду, сегодня ни того, ни другого. Беда, кишка кишке кукиш кажется. Еще больший ужас – немец кругом, хорошо, что фашисты боялись партизан, не лезли в лес. Слышим бои в стороне Ораниенбаума, туда не пробиться, путь один – на восток. Дорогу прерывает шоссе, где беспрерывным потоком идут колонны немецких моторизованных войск.

Целый день пролежали в лесу, заняли круговую оборону, замаскировались. Надо приложить решающее усилие, сделать последний рывок. Меня и Голована выслали к дороге дозорными. Стоим, прижавшись к соснам, наблюдаем, как метрах в 150 от дороги затаились товарищи по отделению, связь зрительная, сигналами. Завоеватели резвятся, слышится заливчатая песня, сплошной гул, гомон, каски набекрень, руками машут, как на карнавале, блицкриг для гансов рядом. Потихоньку спрашиваю у Голована:

– Чего это поют?

На мой шепот как захохочет, да громко, как косячный жеребец ржет, стал метаться между сосен. Что с ним? Немцы же видят, они открыли по лесу плотный автоматный огонь, но обошлось, колонна не остановилась, подходит новая вереница машин. Голована снова обуял гогот, выкобенивается, дурака из себя ворочает, а сам на меня косится. Крутанул затвор:

– Убью!

Поддействовало, сник, как на шило сел. Командир отделения запрашивает, что происходит, настырный Голован, опережая меня, вскидывает винтовку прикладом вверх: «Опасности нет». Неспроста это, звал немцев, сволочь, да не получилось. Стал подлизываться, перевел немецкую песню:

Девчонок наших
Давайте спросим:
Неужто летом
Штанишки носят?

Лишь после я понял, что щелчок затвора остановил Голована в замысле пристрелить меня и уйти к немцам. Свой подлый план он осуществил позже, при других обстоятельствах.

В расположении группы привлек внимание пленный немец, его только что приволокли разведчики, снимали первый допрос. Немчишко так себе, ни рыба, ни мясо, снаружи кочется, а внутри курица мокрая, и такие сморчки сегодня вершат судьбы целых народов, сеют смерть, разруху, пытаются установить «новый порядок».

Наконец наступила долгожданная, самая опасная и тревожная ночь. Командир взвода проверил личный состав, распределил оставшиеся боеприпасы, для транспортировки раненых выделил четырех бойцов, ждем разрыва в колоннах фашистов. Сигнал! Бросились, как в атаку, пробежали шоссе, затем в лес, по нашим следам немцы открыли огонь из 75-мм пушек, ушли и от артобстрела. Наконец окрик:

– Стой, кто идет?

Пошло-поехало, расспросы – кто, откуда. Оказывается, наткнулись на боковое охранение таких же бедолаг, но они шли в полном порядке. Нас не спешат признавать за своих, странное было положение, когда всех, выходящих из леса, любая мало-мальски организо-

ванная часть считала опасными врагами или трусами, подлежащими трибуналу. Пока суд да дело, мы, один взвод за другим, просочились между колоннами, ушли в лес. Подошедший комроты сказал:

– Надо идти подальше, здесь пахнет жареным.

Командир первого взвода добавил:

– Если не успеют выйти затемно, будет не бой, а избиение, слишком невыгодная позиция.

Спешим приблизиться к вражескому авангарду, ибо на этом месте искромсают бомбардировщики. На очередном привале пересчитались, в роте нет пятерых красноармейцев, то ли погибли, то ли задержаны охранением колонн, может быть, не выдержали усталости.

– Где твои люди? – кричит на комвзвода командир роты, тот стоит, сказать нечего, руками разводит.

Это серьезное чрезвычайное происшествие. Отставания были и раньше, иногда потеврявшие себя люди просто сидели в кустах, поджидая плена. Сейчас, когда до своих рукой подать, не было никакого боя, обстрел-то был не попад, и тут такое ЧП. В нашем отделении не оказалось Голована, черти на помеле унесли. Я сразу подумал, что он сбежал, вспомнил разговоры, выходки, случай в боковом дозоре. Командир роты приказал выслать поисковую группу, разведчики вернулись под утро, доложили, что на месте артобстрела убитых не имеется. Нам ничего, а с командиров спрос особый, три месяца с бойцами вместе, и не раскусили.

До окраины города рукой подать, кто там, немцы или наши? Приготовились идти на прорыв, на каждого по 10–15 патронов и штык, быстро рассредоточились, развернулись, залегли, и оказалось, что попали к своим! Удачно подошли к переднему краю нашей части, занимающей оборону недалеко от лесопарка, командиры выбрали правильное направление. «Верхи» быстро договорились, следуем по проходам в минных полях, через траншеи, ячейки боевого охранения, ходы сообщения, мимо блиндажей, долговременных огневых точек, позиций пулеметов, минометных и артиллерийских батарей.

Дома! Главное, вышли организованно, со звездочками, треугольничками, кубарями в петлицах. Тогда нередким явлением был приход без знаков воинского отличия, без документов, таких окруженцев чаще всего сопровождали в Особый отдел. Многие бойцы не могут, да и не скрывают радости, обнимаются, турсучат друг друга. Красноармеец Рахимгулов, стоя на коленях, лицом на восток, сложив по-мусульмански руки, то поднимет их, то опустит на грудь, шепча что-то под нос, с Аллахом разговаривает. Хотелось поозорничать, крикнуть:

– Рахимгулов, башкир киши, какому богу кланяешься?

Вовремя воздержался, и правильно сделал. Есть ситуации, когда вера, следование обычаям предков раскрывают внутреннюю суть человека. Хотелось подойти и сказать, что молиться нужно твоему земляку с красной звездой на фуражке и шпалой в петлицах – батальонному комиссару. Не стал вмешиваться, вера тоже хорошо служит Родине, убежденного убеждать – только портить.

Пехота поделилась с нами хлебом, перловой кашей, чаем, заснул мертвецким сном. Разбудили «юнкеры», летели девятками, то немецкий 8-й авиакорпус «Рихтхофен» шел на бомбардировку Ленинграда, я впервые увидел столько самолетов. Пикирующие бомбардировщики обрушили бомбы на Гатчино, на лесопарки, дворцы, жилые дома, на жителей, все скрылось в огне, пыли, в дыму. Что стало с шедеврами зодчества, с богатством, созданным поколениями русского народа? Немцы изуверствуют, выются, мечутся, пикируют, бомбят.

В такой ситуации, когда поджилки трясутся, в голову влезла родная Лопатина. Орава друзей – Павло Курюшкин, Иван Морозов, Спиридон и Илларион Чеботаревы, на санках слетаем с горы до ключей и родниковых колодцев, несемся не сидя, а стоя во весь рост. Выгнулся назад, натянув веревки, в снежном вихре скатился вниз, затем помчался через ерик. Зазе-

ваешься – под мостом очутишься, еще хуже, влез в незамерзающую грязь. Сейчас в небе изверг катится по воздушной горке, сидя на мягкой подушке, орет, включив сирену, стреляет из пулеметов, пушек.

Возвратились разведчики и связисты, наш полк находится в Гатчине, туда предписано прибыть к 12.00 для сооружения оборонительных объектов в Дворцовом парке. Узнали, что штаб попал под бомбежку, разбит вдребезги, десять бойцов посланы разведать обстановку. Нам нужно пробиться в район бывшего расположения штаба, разыскать мешок с деньгами, месячным довольствием личного состава батальона, найти другие штабные ценности, обнаружить живого или мертвого начальника финансовой части полка, все доставить в Пушкин.

Вылазка достигла цели, рядом с разбитым штабным блиндажом лежат телефонные аппараты, провод, в то время немалые ценности. Невдалеке, в котловане, увидели и начальника. «Живые» были лишь часы на руке, они шли. Осколком ему разворотило внутренности живота, от места ранения полз к убежищу с мешком денег в одной руке, с кишками в другой. Так и оставил по пути к укрытию след содержимого длинной вереницы внутренних. Забрали документы, планшетку, часы никто не снял, заодно похоронили несколько человек штабной охраны. Одна машина, уткнувшаяся в кювет, заполнена ценностями, запечатанными в ящиках, в углу, развороченном бомбовыми осколками, виднелись пачки денег. Двое ребят, улучив момент, нахватали, набили карманы червонцами. Командир отобрал, едва не расстрелял на месте как мародеров. Оглянулись и увидели, что машина в огне, какие ценности гибли! Сколько людей полегло на этой дороге из Гатчино, она была беззащитной, без леса и укрытий, трупов не сосчитать, не описать. Тогда убедился, что главные потери армии несут не в боях, а в отходе, в паническом отступлении.

Город Пушкин, куда ни глянь, дворцы, парки, цветники, скульптуры. Прохожу мимо памятника великому поэту. Во взгляде, в пренебрежительно сомкнутых губах видятся укор и порицание: «Куда казак стремишься, не на Дон ли? Помни: «Как прославленного брата реки знают тихий Дон». Тяжело проходить рядом со славой народной, особенно когда ничего к ней не добавил. В роте произошло два события. Во-первых, красноармейцев, которые набрали деньги в подбитой машине, вызвали в штаб полка, арестовали, посадили на гауптвахту, куда они после делись, не знаю. Во-вторых, появились трое пропавших, из тех пятых, что отстали в последнюю ночь. Они из Башкирии, в плен увел бойцов Голован, утек, как склизкая мокрушка сквозь камень. Единомышленники схмутились с немцами, а этих бедолаг фашисты отпустили. Перебежчики наперебой рассказывали, как хорошо немцы с ними обращались, накормили, выдали папиросы, одели в новое, то есть бывшее в употреблении, снятое с расстрелянных бойцов, выпроводили назад, к русским. Километров 30 везли на легковой машине, потом высадили, показали, куда идти:

– Идите домой в Башкортостан, к своим мамам, к невестам, Великая Германия семьи не разлучает.

Когда один окруженец сказал, что немцы дают башкирам автоматы и пушки, формируют национальный полк, но в этом подразделении еще мало «хороший башкирин», нас покорило. Командир взвода не выдержал, вскочил, крутанул затвор винтовки, нацелился, срывающимся голосом крикнул, да так, что не только эти вояки, но и мы опешили:

– Сволочи, немецкие холуи! Вашу мать, встать, руки назад!

Перебежчиков отправили к командиру роты, там сначала обрадовались возвращению пропавших, затем удивились, под конвоем отправили в контрразведку. Действительно, сами того не осознавая, окруженцы стали провокаторами, немцы на них делали ставку, надеясь, что их рассказ побудит многих перейти фронт.

А легкобрых Голован? Оказался ярым врагом, пошел, как лень по дну. Человек озлобленный, ненавидевший наш образ жизни, приобрел новое оружие, теперь будет мстить, изде-

ваться над пленными, в том числе и над бойцами нашей части. Военная судьба нас сведет рано или поздно.

Рабочие войны

Сентябрь 1941 года. Немцы перерезали железнодорожную связь Ленинграда со страной. Прорвавшись через станцию Мга, противник вышел на Шлиссельбург, 17 сентября фашисты оккупировали Пушкин. Наше подразделение, как и другие части 54-й армии генерал-лейтенанта М.С. Хозина, немцы отрезали от Ленинграда и столкнули к городу Волхову. Хозин был опытным военачальником, он командовал пулеметной бригадой еще в Первую мировую войну. Но слабые силы войны заставили делать зигзаги столь вычурные, что никто не знал, где наши, где враги. Всего на сутки задержались на окраине города, потом снова винтовку в руки, противогаз, гранаты, топоры, кирки, лопаты – и в поход. Оказались на реке Волхов, между станцией Кириши и Волховом. Из сосен и елей прокладываем по болоту настил, какой-то недоучившийся «суворовец» решил ударить по врагу не там, где ожидаемо, а через топь.

Часть получила задачу проложить деревянную дорогу, пропустить воинские подразделения с вооружением и боеприпасами, готовность к 22.00. Рота на дороге, одни стройбатовцы на заготовке материала, пилят и валят деревья, другие обрабатывают, третьи подносят, тащат издалека, рядом с дорогой рубить нельзя из-за демаскировки. Если бы кто посмотрел сверху, увидел картинку, схожую с бесконечным движением муравьев. Взвод укладывал проезжую часть полотна, основная схема: стволы вдоль, на них бревна поперек, по бокам притягивали жердины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.